

Ли Жун лежал на кровати, совершенно обессиленный. Его взгляд бессмысленно блуждал по потолку, а дыхание всё никак не могло прийти в норму. Мышцы ныли от запредельного перенапряжения, простыни насквозь пропитались потом.

Это было по-настоящему жёстко.

С тех пор как в этой жизни они с Цэнь Сяо воссоединились, тот всегда вёл себя предельно сдержанно, боясь причинить ему даже малейшую боль. И это был первый раз, когда к ним вернулась та яростная страсть, в которой любовь и желание смешивались до привкуса крови на губах.

Впрочем, метод оказался действенным: от усталости и ломоты в теле голова стала абсолютно пустой. Слова Чжан Чжаохэ просто выветрились из памяти, вытесненные базовыми инстинктами. Сейчас юноша чувствовал лишь голод и изнеможение; потребность в комфорте и отдыхе полностью подменила собой психологические терзания. В данный момент не было ничего важнее простого желания жить в покое.

На теле Цэнь Сяо остались глубокие следы от ногтей. Пот, попадая в свежие царапины, неприятно щипал кожу, но мужчина, казалось, не обращал на это внимания. Спустя какое-то время к нему вернулись силы, достаточные для того, чтобы подняться и дойти до душа. Ли Жун же продолжал неподвижно лежать, всем своим видом демонстрируя полную отрешённость от мира.

— Достаточно жёстко? — Цэнь Сяо игриво зацепил мизинец партнёра своим пальцем, стараясь его подзадорить.

Ли Жун едва шевельнул глазами, переводя на него измождённый взгляд.

— Справился ты блестяще, — выдохнул он через силу. — Но в следующий раз давай без такого фанатизма.

Цэнь Сяо не сдержал смешка. Он накрыл ладонь Ли Жуна своей, нежно поглаживая пальцы.

— Бессовестный. Буду считать это комплиментом.

Цэнь Сяо прекрасно понимал: Ли Жуну требовалась эта разрядка. Возможно, в этой жизни юноша вёл себя настолько здраво и рассудительно, что он начал забывать — когда-то этот самый человек мог с абсолютно бесстрастным лицом полосовать собственное предплечье ножом.

Тогда Ли Жун утверждал, что лишь проверяет новое кровоостанавливающее средство,

разработанное их группой, и в его действиях нет ни капли желания причинить себе вред. Но Цэнь Сяо думал иначе. Когда человек осознанно калечит себя, за этим всегда стоит глубокая психологическая травма. Он ясно помнил тот пустой, остекленевший взгляд в момент удара — в нём не было ничего, кроме онемения и решимости. Именно это и пугало Цэнь Сяо больше всего.

Когда физическая боль становится единственным способом заглушить душевную, это означает, что болезнь зашла слишком далеко. И всё же Ли Жун был невероятно смел: он сумел осознать свои проблемы, не побоялся признать их и после перерождения искренне пытался изменить себя, ища новые пути для жизни и глоток свежего воздуха.

Цэнь Сяо был бесконечно благодарен возлюбленному за эту храбрость. Если бы не она, он наверняка потерял бы его снова.

— На готовку ужина времени уже нет, так что я что-нибудь закажу. А после еды сделаю тебе массаж.

Цэнь Сяо накинул одеяло на влажное, обнаженное тело Ли Жуна и, наклонившись, запечатлел на его губах короткий поцелуй. Он уже собирался уйти, но юноша вдруг обхватил его за плечи, глядя на него влажными глазами.

— Я планирую подать Цзян Вэйдэ заявку на возобновление проекта «Люйиньсюй».

Цэнь Сяо замер на мгновение, вглядываясь в его лицо, после чего медленно кивнул:

— Хорошо. Давай составим план, как надавить на Цзян Вэйдэ. Мой дед по материнской линии имеет определённый вес в культурных кругах: если он выступит с призывом, это может поднять волну. Затем попросим отца Цзянь Фу помочь с оглаской в медиа. Моя мать наверняка приложит все усилия... Думаю, она могла бы организовать петицию среди преподавателей и студентов. Университетское сообщество — это огромная сила. Мы можем обсудить это и с другими людьми, поискать дополнительные рычаги.

— Эй, тебе не кажется, что я слишком тороплюсь? Даже не попытаешься меня остановить? — Ли Жун мягко провёл кончиками пальцев по шее Цэнь Сяо, но в его взгляде читалась глубокая нежность.

Цэнь Сяо ответил негромко, почти шёпотом:

— Я уже говорил: ты можешь делать всё, что пожелаешь. Даже если ты захочешь, чтобы все они сдохли прямо здесь и сейчас, — я это устрою.

Ли Жун едва заметно приподнялся и, не найдя слов, лишь доверчиво прильнул к шее мужчины. Ему действительно была жизненно необходима эта безусловная поддержка. Он

обладал ясным разумом и знал, как нужно действовать, но порой его всё же охватывали тревога и нетерпение. И только Цэнь Сяо знал, как подарить ему покой.

Цэнь Сяо ушёл в душ, а когда доставили ужин, обнаружил, что Ли Жун в спальне уже крепко спит. Тот был настолько истощён за день, что у него не осталось сил даже на еду.

Быстро перекусив, мужчина убрал остатки в холодильник и вернулся в постель, крепко прижимая Ли Жуна к себе. Веки юноши дрогнули; он рефлекторно подогнул колени и замер в объятиях. Цэнь Сяо всегда был горячим, тогда как у Ли Жуна конечности вечно оставались прохладными, поэтому спать в таком коконе из тепла ему было очень комфортно.

Ли Жун проспал до полудня следующего дня. Когда он, отбросив одеяло, наконец проснулся, Цэнь Сяо уже какое-то время тренировался на беговой дорожке на балконе. Растирая затекшую поясницу, юноша сел, зевнул и, собравшись с духом, спустил ноги на пол.

Он замер в дверном проёме, глядя в гостиную:

— Почему не разбудил?

Цэнь Сяо ответил с многозначительной усмешкой:

— Вчера я был слишком суров, побоялся, что кое-кто не выспится и выместит на мне свой гнев.

Ли Жун усмехнулся и вернулся в комнату, чтобы одеться. Вчера он провалился в сон так внезапно, что даже не натянул пижаму. Цэнь Сяо, стоя за его спиной, с нескрываемым восхищением рассматривал изящный изгиб его спины.

— Есть одно дело, — вскользь заметил он.

— М-м? — Ли Жун как раз натягивал брюки.

— Помнишь, мама помогала нам прощупать Хань Ина? У неё есть встречное условие: она хочет с тобой встретиться.

Ли Жун замер и обернулся, явно застигнутый врасплох:

— Встретиться со мной?

— В прошлом семестре у неё было четыре открытые лекции, а ты пришёл только на одну.

Ли Жун задумался.

— Я-то не против, но как быть с нашими отношениями?..

— Пока ей знать об этом необязательно.

Юноша понимал, что Сяо Мужань, скорее всего, ищет в нём черты его отца, пытаясь таким образом справиться с утратой. Трагедия его родителей нанесла глубокую рану не только ему, но и всем тем, кто искренне их ценил. И эта боль не утихнет до тех пор, пока справедливость не восторжествует. Он был готов поделиться теплом с другими, особенно теперь, когда его собственное состояние стабилизировалось. В конце концов, она была матерью Цэнь Сяо.

Получив сообщение от сына, Сяо Мужань даже немного растерялась. Она не ожидала, что Ли Жун согласится так легко. Ей казалось, раз он прогуливал её лекции, значит, она ему не слишком симпатична.

Женщина в суматохе велела помощнице подготовить фрукты, сладости и чай, а сама поспешила привести себя в порядок. Облачившись в элегантное и сдержанное платье, она села на диван и замерла в ожидании.

Примерно через полчаса раздался звонок. Помощница поспешила открыть дверь, а синезолотой шиншилла Сяо У, услышав шум, спрыгнул с дивана и, вытянув шею, уставился на вход своими огромными синими глазами.

Ли Жун держался расслабленно. Явившись в качестве гостя, он даже прихватил для Сяо Мужань небольшой подарок. Войдя в дом, он незаметно увеличил дистанцию между собой и Цэнь Сяо, передал сверток помощнице и вежливо улыбнулся хозяйке:

— Здравствуйте, учитель Сяо.

Сяо Мужань, разумеется, было совершенно не до подарков — всё её внимание было приковано к Ли Жуну. Она нервно сжала кулаки, натянуто поднялась и ответила мягкой, немного робкой улыбкой:

— Проходи, присаживайся. Хочешь чего-нибудь? У нас есть фрукты и пирожные. Прости, я не знала твоих предпочтений и не успела подготовиться как следует — Цэнь Сяо предупредил слишком внезапно.

Ли Жун покосился на спутника и невозмутимо произнёс:

— Пожалуйста, не утруждайте себя. Мы с Цэнь Сяо... хорошие друзья. Я буду то же, что и он.

Услышав про «хороших друзей», Цэнь Сяо едва заметно вскинул бровь и тут же беспощадно разоблачил его:

— У него вкусы прямо противоположны моим. Он обожает всё лёгкое и сладкое.

Ли Жун:

«...»

Сяо Мужань поспешно закивала:

— Хорошо, хорошо. Я тоже люблю лёгкую пищу. Сейчас велю приготовить что-нибудь диетическое.

Сяо У, плавно переставляя лапы и подергивая хвостом, подошёл к Ли Жуну. Его длинные вибриссы затрепетали, и он осторожно зацепил когтем штанину юноши. Если бы кто-то другой оказался так близко к коту, Сяо Мужань уже давно бы нервно подхватила питомца на руки, но сейчас она даже не шелохнулась.

Ли Жун был неуловимо похож на Ли Цинли. Возможно, черты его лица были более утончёнными, и трудно было сразу сказать, в чём именно заключалось сходство, но одного взгляда было достаточно, чтобы понять — это отец и сын.

Хозяйка дома снова на мгновение впала в оцепенение. Время летело пугающе быстро: казалось, ещё вчера она сама была студенткой, а сегодня Цэнь Сяо и Ли Жун уже учатся в университете.

Цэнь Сяо между делом спросил:

— А где отец?

— Уехал в командировку вместе с твоим дядей Цзянем, — мягко ответила она.

— Куда именно?

Сяо Мужань покачала головой:

— Я не в курсе.

Цэнь Сяо всё понял. Его родители почти не обсуждали рабочие вопросы. Все эти годы они сохраняли лишь видимость гармонии, демонстрируя взаимное уважение только на людях, и это уже было немалым достижением.

Она снова перевела взгляд на Ли Жуну, внимательно изучая его с нескрываемым чувством вины и нежности в глазах.

— Как твоё здоровье в последнее время? Сейчас сильные перепады температур, не стоит пренебрегать осторожностью только потому, что ты молод.

Ли Жун, задумчиво потирая кончики пальцев, пригубил чай:

— Всё в порядке.

Он не решался встретиться с ней взглядом, и вовсе не из-за того, что скрывал их отношения с Цэнь Сяо. В присутствии этой женщины он испытывал очень сложное чувство. С учётом прошлой жизни он жил без родителей долгих восемь лет. И этой материнской заботы, исходящей от старшего поколения, он не чувствовал столько же времени. Даже понимая, что вся нежность Сяо Мужань продиктована лишь её чувствами к его отцу.

Цэнь Сяо видел, что внимание матери полностью поглощено гостем, поэтому спокойно очистил мандарин и уже хотел было отправить дольку прямо в рот Ли Жуну, но вовремя вспомнил, что они играют роль просто друзей. Его рука в последний момент изменила траекторию, и он вложил мандарин юноше в ладонь.

— Попробуй.

Ли Жун взглянул на оранжевую дольку, встретился взглядом с Цэнь Сяо, после чего оба они, словно по негласному соглашению, отвели глаза. Он отправил мандарин в рот и принялся медленно жевать.

На самом деле юноша считал, что подобная нарочитая сдержанность как раз и может вызвать подозрения. Настоящие друзья ведут себя раскованно, не задумываясь над тем, насколько уместен каждый жест. Но их близость зашла слишком далеко — они просто забыли, как это: быть «просто друзьями».

Сяо У, развалившись на ковре, подозрительно переводил взгляд с одного гостя на другого. Как кот, он чутко улавливал странное напряжение между ними, но всё, что он мог сделать, — это дёрнуть ушами и пару раз недовольно мяукнуть.

Сяо Мужань ничего не замечала. Большую часть времени она пребывала в глубокой меланхолии и засыпала только благодаря мелатонину, но сегодня, благодаря визиту Ли Жуну, она наконец пришла в тонус.

Когда дежурные любезности подошли к концу, настало время для серьёзного разговора.

— Я знаю, что вы с Цэнь Сяо действуете вместе, чтобы очистить имена твоих родителей, — начала она. — То, что ты смог так быстро оправиться и найти в себе силы для борьбы, — я уверена, твои отец и мать гордились бы тобой. У меня нет особых талантов, и я постоянно за вас переживаю, но если потребуется моя помощь — я сделаю всё, что в моих силах.

— Вообще-то, есть одна вещь, в которой мне действительно нужна ваша помощь, учитель Сяо, — Ли Жун опустил чашку, его веки едва заметно дрогнули. Он пришёл сегодня в том числе и для того, чтобы, воспользовавшись хорошим настроением женщины, задать вопрос, который давно его мучил.

— Всё, что угодно. Говори прямо, — серьёзно ответила она.

— Цэнь Сяо упоминал, что его деду известны некие старые дела директора Исследовательского института «Хунсо» Чжу Яня, но он наотрез отказывается о них рассказывать. Честно говоря, я не уверен, имеет ли Чжу Янь отношение к судьбе моих родителей, но то, что Институт «Хунсо» всё это время хранит гробовое молчание, не даёт мне покоя. Я хотел бы узнать об этом человеке побольше.

Цэнь Сяо пытался, он использовал всё своё красноречие и упорство, но Отец Сяо был непреклонен. Люди его круга слишком дорожат своей репутацией и принципами, чтобы сплетничать за спиной, не имея на руках неоспоримых доказательств.

Сяо Мужань нахмурилась:

— Папа отказывается говорить? Цэнь Сяо, ты его уже спрашивал?

Сын кивнул:

— Конечно.

Она слишком хорошо знала характер своих родителей. Эти двое были свято убеждены в непогрешимости собственных жизненных принципов и частенько навязывали своё мнение окружающим. А те, из вежливости или из-за их высокого положения, не решались возражать, что лишь укрепляло стариков в их правоте. Сяо Мужань была мягким человеком; воспитанная в строгом послушании, она не привыкла бунтовать.

Но это вовсе не означало, что она не знала слабых мест своих родителей.

— Я сама об этом спрощу, не волнуйся. Как только что-то узнаю — сразу дам знать. Если это хоть на шаг приблизит нас к правде, я расшибусь в лепёшку.

Ради Ли Цинли она обязана была попробовать. То, что Институт «Хунсо» так упорно молчит об этой расправе, явно свидетельствовало о наличии какой-то грязной тайны. Раньше она подозревала Объединённую торговую палату «Ланьшу» и лично Цэнь Цина, но теперь...

Ли Жун искренне улыбнулся:

— Спасибо вам, учитель Сяо. Теперь понятно, почему Цэнь Сяо постоянно говорит, что у вас очень доброе сердце.

— Это... это сущие пустяки, — Сяо Мужань была так тронута, что даже начала немного заикаться.

Цэнь Сяо усмехнулся, бросив на Ли Жуна многозначительный взгляд. Он так и знал: визит юноши преследовал вполне конкретную цель. Но он и представить не мог, что тот, решив, будто сам Цэнь Сяо ничего не добьётся, решит зайти через Сяо Мужань.

Мужчина почувствовал, что его способности поставили под сомнение, но в то же время эта маленькая хитрость Ли Жуна показалась ему невероятно очаровательной.

Ли Жун пообедал вместе с Сяо Мужань, а после полудня Цэнь Сяо под благовидным предлогом увёз его. Женщина долго стояла у порога, провожая взглядом удаляющийся автомобиль.

Как только машина скрылась за поворотом, Ли Жун тут же подался вперёд и чмокнул Цэнь Сяо в щеку:

— Не то чтобы я тебе не доверял... Просто для твоего деда ты, скорее всего, всё ещё ребёнок, в отличие от твоей матери.

Цэнь Сяо был в очередной раз поражён пронизательностью Ли Жуна. Он деланно фыркнул:

— Сдаётся мне, когда о нас всё-таки узнают, мама скорее выставит за дверь меня, чем тебя.

<http://bllate.org/book/15351/1571009>